

¹ Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: ¹ kvn@philosohy.nsu.ru; ² tatyana.lapina@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ И ЯЗЫК НАУКИ

В статье рассматривается социальное конструирование как разновидность конвенции. Особое внимание уделяется языковой конвенции, а именно определениям в науке. Анализируются номинальные и реальные определения, а также экспликация как эпистемическая техника в работе с научным концептуальным аппаратом. Детальный анализ особенностей научного языка позволяет прояснить проблему социальной обусловленности содержания научного знания, которое является результатом взаимодействия логического познания и социальных процессов в науке как особом социальном институте.

Ключевые слова: социальное конструирование, методология научного познания, конвенционализм, экспликация.

Представление о социальной обусловленности научного знания давно уже не является новым в современной философии познания. Однако так называемый «социологический поворот» (по аналогии с «лингвистическим поворотом»), который принято связывать с работой Томаса Куна «Структура научных революций», в настоящее время был дополнен введением в теорию познания концепта «социальное конструирование». По сути дела, речь идет еще об одном аспекте научного познания, выявляющем некоторые особенности активной роли познающего субъекта в научной деятельности. Идея социального конструирования подчеркивает активность познающего субъекта не только на уровне одного индивида или общества в целом, но и на уровне профессиональной группы ученых, которая работает над поставленной задачей. Естественным образом в социальном конструировании поднимается проблема взаимной коммуникации и соглашения, и результат работы может рассматриваться как продукт своеобразного договора. В связи с этим можно утверждать, что социальный конструктивизм с теоретико-познавательной точки зрения является своеобразной разновидностью философской концепции конвенционализма.

Конвенционализм как философское мировоззрение проявляется в различных формах. Тем не менее общим для всех конвен-

ционалистских концепций является идея соглашения, договора, который является результатом свободного выбора из набора альтернативных вариантов, и этот выбор совершается сознательно некоторой социально определенной группой для реализации совместно определяемых целей. Степень выраженности конвенции может быть различной. Выбор может оказаться своеобразным актом, своего рода офертой, которую принимают те, к кому она обращена. Можно говорить и о молчаливом принятии соглашения, когда факт заключения договора хоть и не был зафиксирован, но дело обстоит таким образом, как будто договор, по сути дела, имел место. Именно ввиду возможности широкого толкования самого акта соглашения, неудивительно, что идея конвенции широко применяется в различных областях знания – в философии, юриспруденции, политологии, экономике, социологии, лингвистике и т. д. Например, широко известна концепция «социального договора» (Локк, Руссо, Гоббс), когда договор считается условным, гипотетическим, своего рода основным предположением всей концепции, хотя эмпирически и не подтвержденным. Другим крайним примером конвенции могут служить правила дорожного движения – по существу, по какой стороне дороги ездить – безразлично, однако нужен явный договор о том, как это все-таки должно происходить. Конечно, одним из

самых сложных примеров конвенционально обусловленного поведения является употребление языка, поэтому и анализ языковых соглашений, их истории и условий возникновения составляет предмет особой науки – лингвистики.

Важно, что правила словоупотребления играют весьма существенную роль в науке, поскольку прямо связаны с организацией концептуального аппарата. В значительной мере эпистемологический конвенционализм, в частности в трудах Анри Пуанкаре, особо выделяет тот факт, что категориальная схема, она же понятийный аппарат, посредством которого познаются объективные факты, является результатом соглашения [Пуанкаре, 1990]. Однако и в этой конкретной разновидности эпистемологического конвенционализма, по сути дела выделяющей именно влияние субъекта на представление реальности в концептуальной схеме, не исследуются подробно механизмы формирования и возможные варианты и разновидности соглашений в профессиональной группе, в данном случае, в научном сообществе. Конвенционализм выступает здесь как общая философская идея о корнях и основаниях познания, примерно так же, как атомы у Демокрита служили умозрительной гипотезой, позволяющей разрешить известные философские парадоксы.

Чтобы более подробно проследить, как конвенции работают в рамках социального конструктивизма, удобно рассмотреть наиболее типичный и очевидный случай языкового или концептуального соглашения – так называемые номинальные определения. Они являются одним из самых простых типов терминологической конвенции, в противоположность другим, реальным определениям. Различие между этими двумя видами определений проводят по-разному. Один из способов – использовать цель, ради которой вводится определения, на что оно направлено, какую функцию оно выполняет в структуре концептуального аппарата той или иной дисциплины.

В самом прямом, непосредственном смысле номинальная терминологическая конвенция заключается в том, что по соглашению сторон в науке осознанно определяются специальные термины, которые связывают с некоторым набором сведений или явлений. Зачастую такие определения являются не чем иным, как кратким выражением

громоздких описаний, и используются просто для сокращения. Примеров подобных сокращений в области научного знания может быть много. Например, «коэффициент интеллекта» является кратким выражением, которое тождественно «100-кратному отношению умственного возраста к хронологическому возрасту». Более того, как известно, когда в науку вводятся новые термины, особенно в случае, когда точность и релевантность этих терминов еще до конца не оценена, то они обычно вводятся посредством номинальных определений.

Номинальное определение не предполагает описание определяемого объекта. Объект может быть доступен для непосредственного восприятия, и тогда договариваются о том, как будет обозначено это самое восприятие в языке – своеобразное «крещение», присвоение имени некотором изучаемому эффекту, явлению и т. п. В другом варианте номинальное определение может относиться не к реальности, а к языку. Это как раз случай сокращения громоздкого выражения, замещения одной языковой конструкции с помощью другой, более удобной. В любом случае номинальное определение – это предложение использовать определенный термин в заданном смысле, которое может быть принято, а может быть и отвергнуто. Важно отметить, что, как и всякое предписание, номинальное определение не может оцениваться на истинность, не может быть истинным или ложным. Речь может идти лишь о возможности принять это предложение по соображениям удобства, облегчения коммуникации и другим прагматическим основаниям. Например, использование номинальных определений может быть обусловлено принципом языковой экономии, в соответствии с которой происходит создание терминологических, заменяющих сложные языковые конструкции. Таким образом, номинальное определение является прагматическим актом, который оценивается на целесообразность или нецелесообразность, эффективность или неэффективность, удобство или неудобство введения того или иного термина в научный оборот.

Противоположностью номинального определения является реальное определение. Здесь возможны различные трактовки самого термина «реальное».

В классическом философском варианте, восходящем к античной философии и средневековому философскому реализму, реальное определение – это описание объекта, а не значения слова. Действительно, способ описания реальности при помощи определений долгое время в истории философии считался чуть ли не единственно возможным способом адекватного познания. При этом особое внимание уделялось не словупотреблению, которое вторично, а созерцательному, умозрительному постижению мира, которое лишь выражается в языке. Ярким примером подобной философии являются диалоги Платона, где идея первична по отношению к объектам материального мира, а потому сущностные характеристики идей репрезентируются непосредственно в языке. Подход Платона стал основополагающим для традиционной логики, включающей в себя вполне определенную теорию познания. Позднее он был дальше разработан и в философии Аристотеля, где место идей занимают формы вещей, присутствующие в вещах в качестве их сущности и проявляющиеся в их сходстве. Таким образом, со времен греческих философов укоренилась концепция, суть которой сводится к пониманию языка как обозначения реальных, существенных признаков, свойств, характеристик предмета. Собственно отсюда и произрастает реалистское представление об определении как описании, которое должно соответствовать описываемой вещи и может быть проверено на предмет истинности / ложности.

Итак, термин «определение» в философском, реалистском смысле используется иначе, нежели при более привычной для современного словупотребления трактовке определения как способа задания значения термина. Реальное определение в этом понимании – не конвенция, поскольку предполагает, что определяемое и определяющее уже названы, и поэтому говорить о терминологической конвенции здесь неуместно. Речь идет о сущности, о наиболее адекватном описании предмета изучения. Для этого надо назвать, подобрать, выделить именно тот набор признаков, который в точности описывает предмет, будучи необходимым и достаточным для его характеристики. Более того, этот набор признаков должен указывать на онтологическую природу предмета, его сущность – не должно быть так, чтобы

набор признаков был случайным образом необходим и достаточен для выделения предмета из множества других. Например, среди млекопитающих лишь люди обладают мягкой мочкой уха – но это как-то не принято считать существенным признаком человечности, если иметь в виду реальное определение в этом смысле слова.

Удивительно, но есть еще один смысл словосочетания «реальное определение», когда тоже можно говорить об истинности или ложности определения, и при этом сохранить связь с языковым характером самой операции определения как задания значения термина. Это тот случай, когда предлагаемое определение является отчетом о принятом словупотреблении, выявленном в результате лингвистического исследования. Если отчет об употреблении не исказил языковую практику, то определение истинно, в противном случае оно ложно. Правда, в этом случае принято употреблять слова «правильное» и «неправильное» для характеристики адекватности определения. Традиционные правила логики для определений – соразмерность, ясность, отсутствие круга и неотрицательность – относятся именно к этому случаю отчета о лингвистической практике, которая по сути дела конвенциональна. Только вот конвенция здесь представляет собой устоявшееся словупотребление, в отличие от неустоявшегося, вновь предлагаемого словупотребления в номинальном определении.

Именно так понимается реальное определение в противоположность номинальному после упоминавшегося выше «лингвистического поворота» в теории познания XX в. Лингвистическая философия в своем стремлении прояснить сложные философские проблемы переключила внимание с проблемы мира, такого, какой он есть сам по себе, к языковым проблемам высказываний о мире. Если ранее фокус исследований был направлен на отношение языка и обозначаемого предмета, то теперь большее внимание уделяется философскому анализу словупотребления. Образование предложений и приписывание значений словам предложений невозможно без обращения к контексту, при этом контекст может определяться как историей развития языка, так и конкретной ситуацией словупотребления. Таким образом, введение в классическую языковую схему, предполагающую слово и

обозначаемый им предмет, субъекта высказывания и контекста высказывания позволяет говорить о «правильной» языковой конвенции как условии успешной коммуникации. Внимание к языковым особенностям употребления определений выявило тот факт, что и реальное определение является языковой конвенцией, степень осознанности которой может быть разной – иногда она воспринимается как «молчаливое соглашение» вроде социального договора, иногда – как явным образом формулируемое предложение принять некоторое номинальное определение для обеспечения более успешной коммуникации. При таком подходе реальное и номинальное определения понимаются единообразно, как относящиеся к языку или концептуальному аппарату, а поэтому трактуются как конвенции.

Конвенциональность применяемых понятийных средств проявляется в науке, в частности, в выборе минимального концептуального аппарата. Как известно, одну и ту же теорию можно изложить по-разному. В одних случаях удобно применять развитый концептуальный аппарат, содержащий понятия, не рассматриваемые как зависимые друг от друга, чтобы использовать интуитивно очевидные взаимосвязи для построения как можно более простых доказательств. Например, в математике можно использовать так называемые «наглядные методы» вместо теоретико-множественного подхода. Другой подход – попытаться создать некоторую единую математику на основе теории множеств, вводя при необходимости нужные определения для построения геометрических или арифметических объектов. Как известно, рано или поздно встает вопрос о создании единой математики, единой физики, в конце концов, единой науки. Вот здесь-то и важно понять, что надо взять за базис, чтобы суметь из него построить остальное здание с помощью определений. Что именно считать базовыми, первичными понятиями, а что оставить для последующего введения «по определению» – дело в значительной степени условное, т. е. устанавливаемое по соглашению, конвенционально. Вот пример из логики. Есть система пропозиционального исчисления Гильберта – Аккермана, содержащая обычные пропозициональные связки в достаточном количестве. А есть это же исчисление, предложенное А. Черчем, построен-

ное только с использованием импликации. Разница лишь в том, что в первом случае удобно пользоваться всем запасом связок, чтобы увидеть существенные для понимания предмета теоремы. Во втором случае удобно проводить доказательства методом индукции по длине формулы – в ней ведь нет других связок, поэтому количество импликаций в точности совпадает с понятием длины формулы. Оба исчисления – конструкции, предлагаемые научному сообществу для реализации специфических целей. И научное сообщество приняло эти конструкции вместе с соответствующими номинальными определениями, минимизирующими в каждом из случаев необходимые средства для достижения целей: понимания в одном случае, эффективной автоматизации – в другом. Конструкция здесь – средство минимизации познавательных усилий, представления предмета с разных сторон, существенных для его исследования.

Понятно, что идея минимизации средств познания не является новой в теории познания вообще и эпистемологии науки в частности. В свое время она отразилась в концепции «экономии мышления», основным положением которой стало особое понимание критерия истины как возможности достижения максимума знаний с помощью минимума познавательных средств (Э. Мах). Отчасти можно утверждать, что неопозитивистский проект очищения науки от метафизических компонентов при помощи языка логики, тоже является продолжением стратегии «экономии мышления». Несомненно, что лингвистический поворот, связанный с аналитической философией, отразил этот аспект структуры научного знания, а вместе с тем подчеркнул конвенциональные моменты в развитии науки.

Особенно заметно, насколько изменились установки по поводу «реальности» определений при рассмотрении подходов к противопоставлению аналитических и синтетических истин. Как известно, Кант уточнил Лейбницево различие «истин разума» и «истин факта» в своем учении об аналитических и синтетических суждениях. При этом он опирался на традиционную логику, в сущности, почти в законченном виде сформулированную еще Аристотелем. Аналитические суждения для Канта – это, по сути дела, суждения, истинные, как говорят иногда ученые, «по определению». Напри-

мер, аналитически истинно утверждение о том, что квадрат прямоуголен. Это очевидно, так как прямоугольность входит в свойства квадрата по смыслу самого термина, «по определению». Поэтому, как выражается Кант, в предикате (прямоугольность) повторены свойства субъекта (квадратность, включающая эту самую прямоугольность). Такой анализ суждений Кант считает логическим, и определения для него – предмет логики. Признак аналитичности – отсутствие необходимости обращаться к фактам, во-первых, и логическое следование одного из другого, во-вторых. В этом месте как раз и расходятся «метафизика Канта» и современные представления о роли определений. Нет и не может быть правильного, вытекающего из логики определения термина «квадрат». Квадратом можно назвать что угодно, например дать такую кличку собаке. Логические суждения бессодержательны, они не могут нести информации ни о мире, ни об языке. «А есть А» – это закон логики, и остальные логические тавтологии не более содержательны. Тот факт, что определенные объекты назвали квадратами, является лишь результатом языкового соглашения, и никакого отношения к логике это не имеет, кроме того, что из этого факта можно делать выводы как из любой другой посылки. Логика реальностью не занимается.

Мы так подробно остановились на изменении в трактовке дихотомии аналитического и синтетического, чтобы высказать следующее утверждение: «лингвистический поворот» в философии с таким подходом к определениям на самом деле расчистил путь «социологическому повороту» в эпистемологии. Согласно аналитикам, языковые соглашения на самом деле принадлежат тому, что Кант ошибочно называл «синтетическим априори» – как известно, саму возможность такого рода суждений представители аналитической философии не допускали. Терминологические конвенции суть средство построения концептуального аппарата науки. Но соглашения – факт социологический. А значит, исследовать концептуальный аппарат возможно и чисто историческими и социологическими исследованиями, в зависимости от того, идет ли речь об истории науки или об ее современности. Скажем, употребление термина «холостяк» в значении «неженатый мужчина» – это всего лишь соглашение о замене соци-

ально значимого словосочетания одним словом, и внутри любого текста эти сопоставленные выражения взаимозаменяемы с сохранением истинности. Сама взаимозаменяемость создает иллюзию, что холостяки по природе, по сути вещей не могут быть женатыми – хотя на самом деле это всего лишь языковая конвенция, принятая для удобства словоупотребления. Сконструированный и принятый языковой артефакт далее принимается за реальную сущность вещи.

Лингвистический поворот в аналитическом подходе к языку научного знания выявил еще одну особенность социального конструирования. Дело в том, что наука противопоставлялась другим сферам постижения и освоения мира по своей точности и эффективности, что не может не сказаться на терминологическом и концептуальном аппарате. Подробное описание процессов и явлений действительности предполагает такие критерии точности в языке и понятиях, которым обыденный язык не удовлетворяет по вполне понятным причинам – реальность, которую он описывает, не столь технологически дифференцирована (хотя со временем это может произойти, и тогда научный концепт станет употребительным в обыденном языке). В условиях повышенных требований к концептуальному аппарату, неясность содержания и неточность объема понятий способна привести к ошибочным и парадоксальным заключениям. В связи с этим возникает необходимость постоянного уточнения концептуального и терминологического аппарата научного знания, что не только оберегает от ошибок в рассуждении, но и приводит к более глубокому пониманию изучаемого предмета.

Примеров различения в науке того, что на обыденном уровне не различалось, очень много. Так, современные различия в физиологической, клинической, церебральной смерти не были доступны в свое время. Другим примером подобного уточнения может служить недавний спор в области астрономии по поводу понятия «планета». Изначально планетами (что означает «блуждающая звезда») называли пять небесных тел, которые можно было охватить глазом на небосклоне. В дальнейшем новые открытые сравнимые объекты (Уран, Нептун) тоже стали называть в соответствии с нормами обыденного языка планетами. Однако

проблема возникла с Плутоном, который значительно отличался от ранее открытых планет своей орбитой, размером и особенностью спутников. После открытия второго пояса астероидов за планетой Нептун, объекты которого очень похожи на Плутон, возникла проблема сложности различия таких небесных тел, как астероид и планета. В связи с этим возникла необходимость уточнить и переосмыслить принятое в обыденном языке понятие «планета», для этого необходимо выявить существенные признаки планет и пересмотреть класс объектов и разграничения между ними.

Очевидно, что при уточнении понятий необходимо исходить из уже установившихся терминологических конвенций, добавляя «по определению» новые разновидности изучаемых явлений, которые ранее не различались. Такой процесс уточнения некоторого уже используемого понятия в логике принято называть экспликацией. Суть экспликации заключается в замене неточных понятий (*explicandum*) на новые точные понятия (*explicatum*). Понятие экспликации высвечивает новую грань в соотношении реальных и номинальных терминологических (в отличие от «реалистских») определений. Здесь мы имеем случай, когда на основе реального определения некоторого понятия порождается некоторое множество номинальных определений, уточняющих ранее устоявшееся понятие. По-видимому, экспликация представляет собой наиболее распространенный прием социального конструирования, так как совершенно новые терминологические конвенции предлагаются значительно реже. Введение новых терминов в процессе уточнения является традиционной практикой научного познания. Обстоятельство, что при экспликации мы имеем дело с социальным конструированием, становится очевидным, если обратить внимание на так называемый «парадокс экспликации» или «парадокс анализа». Суть его в следующем: с одной стороны, сам термин «экспликация», или «уточнение», предполагает, что речь идет о сохранении исходного значения того, что эксплицируется; однако в результате экспликации мы получаем новое понятие, не совпадающее с исходным – иначе сама экспликация не нужна [Carner, 1971]. Налицо некая «конструкция» нового из наличного материала.

Примеров подобных экспликаций из истории науки можно привести множество. Так, Л. Флек в своей работе «Возникновение и развитие научного факта» исследует историю возникновения и развития представлений о сифилисе. Л. Флек указывает на то, что в процессе формирования этого понятия спор происходил между сторонниками тождества гонореи, сифилиса и мягкого шанкра и теми медиками, которые хотели разделить имеющиеся на тот момент представления о венерических заболеваниях на ряд болезней. Именно отмежевание от других болезней по различным векторам уточнения привело к современному представлению об этой болезни [Флек, 1999].

Наиболее наглядно конвенциональный элемент в развитии концептуального аппарата выступает в переходе от качественных (классификационных) понятий к сравнительным (топологическим) и далее к количественным (связанными с числовыми шкалами). Как отмечает, например, Р. Карнап в книге «Философские основания физики», такой переход тоже является уточнением, связанным с дифференциацией описаний различных фактов: одно дело отнести предмет к разряду теплых, другое – упорядочить их в внутри этой категории с помощью отношения «теплее», и совсем иное – приписать телам числовое значение температуры. И вот здесь конвенциональность применяемой шкалы совершенно очевидна. Какую именно шкалу выбрать – в значительной мере дело соглашения и удобства использования [Карнап, 1971].

Возникает вопрос: что здесь от социального конструирования, а что – от «социологического поворота»? Представляется, что граница определяется относительно, с учетом того, что выступает как новое, а что – как устоявшееся. Исходное, уточняемое, эксплицируемое понятие очевидным образом более распространено в научном сообществе, является элементом традиционно принятого знания. Оно выступает как реальное терминологическое определение, как устоявшаяся конвенция. Наоборот, новое, уточненное, эксплицированное – это номинальное терминологическое определение, вновь предлагаемое соглашение. Таким образом, получается, что в рамках социологического поворота различие реального и номинального определений становится существенным критерием конструирования.

Получается, что работа с определениями, экспликациями наравне с другими логическими и эпистемическими техниками в процессе разработки концептуального аппарата является важнейшей частью рефлексивной работы ученого. В этой рефлексивной работе соглашение внутри сообщества по поводу использования терминологического и концептуального инструментария является неотъемлемой частью научной деятельности. Так как любая конвенция представляет собой осознанный или неосознанный выбор среди иных альтернативных вариантов, то в данном случае процесс экспликации, как разновидность осознанной деятельности в области научного познания, очевидно, является процессом социального конструирования, выбора наиболее удобного варианта в процессе создания нового концептуального аппарата науки через процесс уточнения уже имеющихся определений.

Вопрос теперь заключается в том, насколько оправданно и в каком отношении можно назвать процесс конструирования с помощью определений социальным конструированием? Ведь вполне допустимо, что все здесь определяется самим предметом исследования, и поэтому субъектная составляющая практически отсутствует. Ведь именно так понимали «реальные определения» раньше – как объективное описание сущности вещи, а не как терминологическую конвенцию.

Анализ языка науки и техники работы с определениями как простейшей разновидности работы с концептуальным аппаратом показывает, что здесь безусловно имеются элементы конвенции. В то же время понятно, что степень укрепленности и приемлемости конвенции различна, она может варьировать от соглашений внутри профессиональной группы до общепринятого словоупотребления в некотором обыденном (национальном) языке. В первом случае конвенция осознается членами социальной группы, во втором – не всегда. Нам представляется, что социальное конструирование следует трактовать именно как создание и совершенствование концептуального аппарата осознанными усилиями для удовлетворения потребностей социальной группы. Введение сокращений, введение системы мер являются яркими примерами осознанной конвенции, и, следовательно, примерами социального конструирования в науке.

Когда речь идет о стихийно-эволюционном характере развития языка, который выражается в следовании за развитием человеческой практики, то о социальном конструировании говорить необходимо с определенными оговорками. Так, обыденный язык, который используется в практике общения, конечно же, является социальным по своей природе, по своему назначению и тому, что служит социальной общности людей. Однако обыденный язык складывается стихийно, естественно, без специальных рефлексивно нацеленных творческих усилий носителей языка – и в этом смысле он не является продуктом социального конструирования.

Социальное конструирование в познавательной деятельности, на наш взгляд, отражает потребности социальной практики определенной группы, когда нужды этой практики требуют выражения в специальном языке. Именно поэтому усилия группы направлены на совершенствование познавательного инструментария. В качестве яркого примера такой социальной группы выступает сообщество ученых, которое вынуждено вырабатывать специальный концептуальный аппарат для обеспечения своей практической деятельности. Для этого оно создает набор номинальных определений (сокращений) и использует уточняющие определения (экспликацию) для совершенствования понятийного аппарата науки и, таким образом, социально конструирует теоретический аппарат научного знания.

Акцент на степени укрепленности словоупотребления, который мы, по сути дела, предлагаем в качестве критерия социального конструирования, находит подтверждение не только в языковых, социологических, но и в логических исследованиях. Речь идет о так называемом парадоксе индукции, как он представлен в работе Н. Гудмана [Goodman, 1955]. Как показал Гудман, проецируемость того или иного понятия в процессе формулирования и проверки гипотезы, претендующей на статус закона природы, сильно зависит от того, насколько естественно употребляется используемое понятие в языке. Скажем, предикат «зеленый» в его обычном значении и предикат «зелубой» в значении «зеленый до 2010 г. и голубой после этой даты» с логической точки зрения одинаково хорошо подтверждаются для изумрудов всеми существующими до сих пор находками этих камней.

Однако гипотеза, которую люди здесь склонны принять, все-таки будет опираться на свойство «зеленый» – мы скорее скажем, что наши находки доказывают, что все изумруды зеленые, чем согласимся с тем, что все они зелубые. Логический парадокс легко разрешается апелляцией к языку, который в данном случае заставляет предпочесть принятое, укрепленное в языке понятие. Критерий естественного видения мира и «нового» представления о нем будет зависеть от того, на чем основана конвенция – на принятии значения слова по умолчанию или на предложении нового соглашения, т. е. зависеть от того, имеем ли мы дело с реальным или номинальным определением рассматриваемого понятия.

Парадокс Н. Гудмана демонстрирует, что проблема социального конструирования – это проблема прагматически обоснованного предложения по номинальному определению или экспликации как средства организации концептуального аппарата. Если научное сообщество находит преимущества в предлагаемом изменении словоупотребления, то оно примет предлагаемую конструкцию; если преимуществ не будет – конструкция будет отвергнута. Сам акт принятия или непринятия той или иной конструкции в значительной степени зависит от прагматических обстоятельств целесообразности, эффективности, удобства.

Конечно, можно предположить, что прагматика использования концептуального

языка может быть обоснована объективными свойствами изучаемых объектов. Это, безусловно, возможно. Однако не следует забывать, что есть и субъективные факторы познания, такие как язык, образ, принятая концептуальная схема и т. п. Любое знание, в том числе и научное, всегда отчасти субъективно, представляет собой и субъективный образ объективного мира. Прагматические факторы, отражаемые в рефлексии над научным знанием, его преемственностью и возможностями его развития как раз и составляют один из главных признаков социального конструирования.

Список литературы

Карнап Р. Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971. 390 с.

Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 735 с.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления мыслительного коллектива. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 206 с.

Carnap R. Logical Foundation of Probability. Univ. of Chicago Press, Illinois, 1971.

Goodman N. Fact, Fiction, and Forecast. Cambridge. Mass.: Harvard Univ. Press, 1955.

Материал поступил в редколлегию 02.02.2009

V. N. Karpovich, T. V. Lapina

SOCIAL CONSTRUCTION AND THE LANGUAGE OF SCIENCE

The paper describes some philosophical aspects of the «social construction» as a sort of conventional agreement. Particular attention is paid to the idea of a convention, namely the agreement on the definition of scientific terms. The analysis starts with reviewing real and nominal definitions along with explication as epistemic tool for working with scientific concepts. Detailed analysis of scientific language features helps to clarify the issue of social dimension of scientific knowledge, which is currently a major problem in modern philosophy of science.

Keywords: social construction, methodology of science, conventionalism, explication.